

М. Н. Малашевская

Культурный диалог Япония — социалистическая Евразия в 1960–1970-е гг.: визиты писателей Ясуси Иноуэ и Рётаро Сибы в СССР и Монголию

Развитие советско-японских и монголо-японских культурных отношений в годы «холодной войны», в период эскалации напряженности и последовавшей разрядки в 1960–1970-е гг., на фоне идеологических противоречий между социалистическими СССР, КНР, МНР и капиталистической Японией, представляет собой недостаточно изученную проблему. Советско-японский культурный диалог затрагивался в работах Л. Н. Кутакова, Ю. В. Георгиева, С. Л. Тихвинского, С. Г. Корнеева¹. Представленная статья уточняет содержание культурных связей этих стран в условиях международно-политического антагонизма и взаимной системной критики капиталистического и социалистического миров. Сочинения известных японских писателей-прозаиков Ясуси Иноуэ (1907–1991) и Рётаро Сибы (1923–1996), посвященные их поездкам в социалистическую Евразию, точнее в евразийские регионы СССР и в МНР, дают более широкую перспективу развивавшихся между странами отношений и подтверждают рост интереса японского общества к культуре социалистических стран.

В результате поездок в 1965 и 1968 гг. в Центральную Азию Ясуси Иноуэ опубликовал «Повесть о Западном крае» («Сэйики моногатари», 1968); путешествие Рётаро Сибы в Монгольскую Народную Республику через советский Дальний Восток подробно освещалось на страницах газеты «Асахи», затем в 1974 г. отдельным томом были изданы путевые записки писателя под заглавием «Монгольский путевой дневник» («Монгору кико:»). Эти сочинения содержат не только исторические факты, свя-

**Малашевская Мария
Николаевна**

канд. ист. наук, доц.,
Санкт-Петербургский
государственный
университет (Санкт-
Петербург, Россия)

занные с поездками писателей, но также и концепции историко-культурного развития Евразии, на основе которых формируются представления в широких слоях японского общества о культуре, истории, экономике данных регионов в составе стран социалистического блока.

В середине и второй половине 1960-х гг. происходит относительная нормализация политического и экономического диалога между СССР и Японией на фоне ухудшения отношений с КНР, испортившей отношения как с Японией, так и с СССР в конце 1960-х гг.: «В период 1966–1976 гг. у КНР возникали конфликты с большинством стран, имевших с ней дипломатические связи. В отношении СССР Мао Цзэдун проводил политику военной вражды. Велась всесторонняя и идеологическая и материальная подготовка к войне»². Монголия в данном случае оставалась для Японии малодоступной страной вплоть до установления дипломатических связей между странами в 1973 г. В начале 1970-х гг. японская дипломатия ориентировалась на развитие «дружественных отношений и сотрудничества» со странами «многополярного мира», в том числе со странами соцлагеря, и с сохранением принципиального значения США для безопасности и экономического развития Японии в целях обеспечения своих национальных интересов³.

В 1950–1970-е гг. Япония и СССР поддерживали стабильные связи в экономической, научно-технической, культурной областях; местные элиты из Нигата инициировали наращивание побратимских связей с азиатской частью Советского Союза, налаживая общественные связи с представителями Владивостока, Хабаровска и Находки⁴. В 1960-е гг. двусторонние отношения в области науки и культуры развивались как на общественном уровне, благодаря активной роли общественных организаций Японии и СССР, в частности обществ дружбы «Япония — СССР» и «СССР — Япония», и расширению побратимских отношений между советскими и японскими городами, так и в рамках межгосударственных соглашений. В 1950–1960-е гг. Японию посетили советские театральные труппы, артисты цирка, танцевальные ансамбли, деятели культуры. Тогда же Советский Союз посещали японские писатели и деятели науки и культуры: в частности, прозаик Эйсукэ Накадзono, совершивший в 1964 г. путешествие по Сибири и оставивший путевые записки о своем путешествии в Иркутск и Новосибирск; писатель Ман Иноуэ, побывавший в Ташкенте в середине 1950-х гг.; и др. Они оставили положительные отзывы об СССР, его культуре, науке и образовании⁵. В 1961 г. общества дружбы СССР и Японии подписали соглашение о сотрудничестве, в рамках которого осуществлялся обмен делегациями и проводились различные культурные мероприятия, общества занимались организацией туристических поездок японских граждан в СССР⁶. В 1962 г. Японию посетил космонавт Ю. Гагарин, в течение 1965 г. в этой стране побывали 24 советские делегации деятелей науки и искусства⁷. С конца 1960-х гг. обеспечение культурных связей укреплялось на правительственном уровне, углублялись связи на уровне реализации совместных проектов. На фоне политики разрядки международной напряженности в 1973 г. состоялся визит премьер-министра Какуэя Танаки в Москву: в ходе встречи были подписаны два соглашения о культурных и научно-технических связях⁸.

Визиты писателей Ясуси Иноуэ и Рётаро Сибы в СССР состоялись на фоне углубления культурного диалога.

Два путешествия Ясуси Иноуэ в Центральную Азию и «Повесть о Западном крае»

Поездки Ясуси Иноуэ в советскую Центральную Азию в 1960-е гг., встречи с советскими учеными и общественным деятелями являются свидетельством расширения возможностей двухсторонних связей. Ясуси Иноуэ — один из заметных прозаиков и публицистов послевоенной Японии, претендующий на статус писателя-историка и интеллектуала. В середине 1930-х гг. он начал работать журналистом в отделе культуры одной из крупнейших газет Японии «Майнити» в г. Осака, в конце 1930-х гг. прошел военную службу в Северном Китае.

После окончания Второй мировой войны Ясуси Иноуэ посвятил себя писательскому труду и заслужил славу глубокомысленного автора исторических романов и новелл о Японии, Азии и России. В 1959 г. вышли сборник исторических повестей и рассказов «Лоулан» и роман «Дуньхуан», действие которых разворачивается в степных регионах на западе и к западу и северо-западу от Китая, населенных народами некитайского происхождения, на протяжении древней и средневековой истории являвшихся источником непрекращающегося противостояния между китайцами и «варварами», как их именовали в Китае. Авторству Ясуси Иноуэ принадлежат несколько романов о прославленных ханах Монгольской империи: «Синий волк» («Аоки ооками», 1960) — о Чингисхане; «Ветер и волны» («Фу:то:» 1963) — о Хубилай-хане. В 1966–1968 гг. был опубликован роман «Сны о России» о примечательном японском капитане торгового судна Кодая Дайкокуя, попавшем в Россию по причине кораблекрушения и ставшем впоследствии символьной фигурой в истории российско-японских отношений. В текстах о Евразии Ясуси Иноуэ прибегает к приему создания повествовательной истории о местах и событиях прошлого, посредством которого артикулированы «сущность Китая» (*тю:гоку-моно*) и «сущность Западного края» (*сэйики-моно*)⁹.

Жанровый формат, выбранный для «Повести о Западном крае», представляет собой одну из традиционных форм средневекового японского литературного творчества. Иноуэ Ясуси наполнил литературную повесть актуальным историческим и идейным содержанием. Он разрабатывал евразийскую проблематику задолго до поездок в Центральную Азию СССР и Синьцзян-Уйгурский автономный округ КНР (1977 г.). Писатель отмечал, что «Западный край» («сэйики» — традиционное наименование пустынь и степей Туркестана в китайской историко-литературной традиции, которую разделили японские историки и мыслители¹⁰) привлекал интерес японской интеллигенции в 1930-е гг., когда начался японский бум изучения Евразии, однако в послевоенные десятилетия поехать в эти регионы Советского Союза и Китайской Народной Республики по объективным причинам было невозможно (*икэнай токуро* — место, куда нельзя добраться), поэтому новеллы и романы писались под влиянием китайских классических исторических произведений и японских исторических исследований¹¹.

История Китая, столкновения страны с «варварскими» народами Западного края, культура Евразии будили интерес Ясуси Иноуэ с молодых лет: «Еще в студенческие годы я мечтал ступить на землю Западного края»¹². Будущий писатель увлекался чтением китайских классических исторических трудов, таких как «Исторические записки» Сыма Цяня и «Путешествие в Западный край во времена Великой Тан» монаха Сюань-цзана¹³. В своих сочинениях писатель обращается к китайской историко-культурной традиции, цитируя литературные памятники авторов исторических и художественных произведений из Китая. Целью поездок Ясуси Иноуэ в советскую Центральную Азию являлось посещение исторически значимых городов центральноазиатских республик СССР — Бухары, Самарканда и Ташкента; городов пустынь — Ашхабада, Ургенча, Хивы; горных городов — Душанбе, Андижана, Маргилана, Коканда, Ферганы; городов, упомянутых в сочинениях монаха Сюань-цзана о его семнадцатилетнем путешествии на запад, таких как Токмак, Ак-Бешим, Бишкек (Фрунзе)¹⁴.

Первая поездка состоялась в мае — июне 1965 г., когда писатель посетил Узбекскую ССР, Таджикскую ССР и Туркменскую ССР, а именно города Ташкент, Самарканд, Бухару, Пенджикент, Душанбе, Ашхабад; вторая поездка состоялась в мае—июне 1968 г., тогда Ясуси Иноуэ побывал в Москве, Ленинграде, Киеве, и затем направился в Узбекскую ССР в Ташкент и Ферганскую долину (Андижан, Наманган, Фергана, Коканд, Ленинск/Асака и другие города)¹⁵. Впоследствии, в 1970–1980-е гг., Ясуси Иноуэ неоднократно посещал Западный Туркестан (в общей сложности пять поездок); в конце 1970-х гг. состоялся визит в Восточный Туркестан (КНР); были осуществлены путешествия в Афганистан, Пакистан, Иран, Турцию и страны Ближнего Востока; в 1980–е гг. Ясуси Иноуэ стал идейным руководителем проекта японской национальной радиовещательной компании NHK, посвященного Великому шелковому пути.

Текст «Повести о Западном крае» не ставит перед собой задачи последовательного хронологического изложения этапов путешествия писателя, в отличие от более позднего сочинения — «Мои путевые записки по Западному краю», где систематически и подробно описаны этапы путешествия на запад Китая в 1977 г.¹⁶ Организация повествования подчинена идейной концепции и художественному замыслу: в процессе изложения истории Центральной Азии и истории отдельных городов Великого шелкового пути (Самарканд, Бухара, Коканд, Хива) конструируется образ социалистической Евразии, изображенной как вневременное формирование, где древняя история соединена с настоящим и где выявлены типичные черты Евразии с позиции Японии. Евразийское пространство представляет собой своеобразный в культурном плане регион, где сплавлены культуры, языки и религии народов Запада и Востока. Это не периферия исторических событий, а эпицентр «диалога между Востоком и Западом» (*то:дзай канкэй*). Данная идея служит движущим и организующим мотивом текста «Сэйики моногатари» и других сочинений писателя. Название «Повесть о Западном крае» корреспондирует с сочинением мыслителя эпохи Токугава (1603–1868) Тосиаки Хонды с идентичным названием «Сэйики моногатари» (1798). Однако тексты решают разные задачи: Тосиаки Хонда создал

экономико-стратегический трактат о Японии и внешнем мире, а Ясуси Иноуэ стремился показать историко-культурную уникальность Западного края¹⁷.

В создаваемых образах Евразии Ясуси Иноуэ опирается на три основные группы научных текстов: китайские классические исторические сочинения; научные труды крупных японских историков-востоковедов, таких как Конан Найто (1866–1933), Дзицудзиро Кувабара (1871–1931), Куракити Сиратори (1865–1942), Тоёхати Фудзита (1869–1929), Микиносукэ Исида (1891–1974); западные исторические исследования об истории Великого шелкового пути, в том числе работы русских и советских историков и путешественников, таких как П. П. Семенов-Тянь-Шанский, Н. М. Пржевальский, В. В. Бартольд, А. Н. Бернштам, В. А. Шишкин. Необходимо отметить, что евразийская проблематика широко изучалась в Японии в XX столетии: в период с 1927 по 2005 г. было опубликовано более пятисот работ, посвященных исследованиям истории, культуры народов Западного края и путешествиям в регион, наибольшее количество публикаций появилось в 1970–1980-е гг.¹⁸ Отличительная черта текстов Ясуси Иноуэ — они обращены не к профессиональному сообществу историков, а к широкой читательской аудитории и обладают мощной образовательной прагматической функцией.

Конструкция образа Евразии в текстах Ясуси Иноуэ состоит из нескольких основных компонентов, выявляющих сущностное и типичное: 1) природа — пустыни, горы, реки и озера Евразии, красота которых формирует эстетические взгляды местных народов; 2) движение и трансформации народов, их культуры и форм хозяйствования, находящихся под прямым воздействием природных и географических условий: «Писателей вроде меня привлекает история и красоты природы стран пустынь, и заглядывать в самые потаенные уголки [этого мира] — точно следовать по невиданной пятицветной радуге»¹⁹. Рельефнее основные элементы восприятия Евразии отмечены идеями автора о том, что образ Западного края проходит сквозь Средневековье к современности через смешение разных народов: регион «стал божественным творением, созданным в пустынном поясе в пределах коридора между Западом и Востоком. Пустыни, торговые города, мечети и буддийские храмы²⁰, взлеты и падения разных народов, гигантские исторические тени тех событий — все они нашли отражение в стихах»²¹. Следуя японской традиции эссеистики и дневниковой литературы, Ясуси Иноуэ останавливается на выборочных явлениях и значимых местах, позволяющих утвердить историко-культурное своеобразие, типичное для региона. Обращение к древней и средневековой истории раскрывает вневременной характер и соответствует традиционному взгляду на прошлое как базовую национальную социальную ценность современных японцев²².

В 1965 г. Ясуси Иноуэ посетил Киргизскую ССР, в частности озеро Иссык-Куль в Тянь-Шаньских горах, показанное как главное место культурного притяжения. Писатель сравнивает его с крупнейшим озером Японии — Бива: «Я надеялся, что и во вторую поездку удастся посетить озеро Иссык-Куль, но надежде моей не довелось сбыться. Мы пролетали мимо озера, окруженного Тянь-Шаньскими горами и по форме напоминающее человеческий глаз на поверхности земли, и, хотя лететь до него от места нашей остановки было

не более получаса, мне все-таки пришлось только представлять его в своих мечтах. В значительной степени оно напоминает озеро Бива»²³.

Города пустынь на маршруте Великого шелкового пути (Самарканд, Бухара, Коканд, Хива) формируют хозяйственно-экономическую специфику Евразии и составляют ее единство путем торговой коммуникации. Писатель подчеркивает: «Для жителей пустынь нет более важного места для их жизни, чем базар, где можно покупать и продавать»²⁴. Ясуси Иноуэ писал, что в 1965 г. вместе с группой японских деятелей науки и культуры (писателем Сёго Номурой, литературоведом Хиротоси Фукудой, фотографом Иссю Нагатай, археологом Кюдзо Като и др.) посетили раскопки Афрасиаба, где планировалась встреча с историком В. А. Шишкиным²⁵. Писатель отметил высокий культурный уровень Афрасиаба и Самарканда в древности и Средневековье, однако монгольские завоевания положили конец его культурному процветанию. Современное состояние Самарканда и других городов Великого шелкового пути предваряется повествованием об их истории от эпохи древних китайских государств и эпохи Александра Македонского, эпохи существования Согда до Монгольской империи XIII–XIV вв. Присоединение Центральной Азии к России показано бегло, основной вехой в рамках исторического нарратива стали 1870-е гг., когда был запущен процесс последовательного присоединения Центральной Азии к Российской империи. Исторический взгляд Иноуэ основывается на китайских классических исторических сочинениях, но расширяется при помощи использования достижений мировой исторической науки. Историческое наследие выступает центром образа Евразии, и социалистическое настоящее Самарканда состоит в сохранении культурного наследия, о чем свидетельствуют сопровождающие текст фотографии, где современная советская архитектура вписывается в среду исторических памятников.

Бухару, Хиву и Коканд Ясуси Иноуэ называет городами Великого шелкового пути (*сэйики-но мати*)²⁶. Он подчеркивает: «В современном Туркестане наиболее древние археологические памятники находятся в Бухаре. Здесь не только много руин, но также в этом городе сильно ощущается атмосфера средневекового города. Нынешний его облик не менялся с правления династии Шейбанидов, и вместе с тем образ жизни его жителей поменялся в связи с русской революцией, стал меняться и сам город, но несмотря на это и сегодня Бухара сохраняет старинный дух средневекового города. Самарканд, Ташкент значительно изменились под воздействием модернизации, но Бухара запаздывает со своим обновлением, чему мы очень рады»²⁷. Во время прогулок по улицам Бухары писатель и его спутники посетили мечеть, любовались высокими тополями, минаретами и «глиняными домами»²⁸.

Как в случае с Самаркандом и Бухарой, автор детально излагает средневековую историю Хивы и Коканда. О сущности Хивы он писал, что, подобно Бухаре, она представляет собой торговый город, о чем свидетельствуют многочисленные рынки, но также это «самый своеобразный город из увиденных в Туркестане»²⁹; стены внутри города и за городской стеной покрыты известью, он наполовину разрушен, вокруг ходят женщины в хиджабах и работают мусульманские школы. Коканд, расположенный в Фергане, расцвел именно

как город Великого шелкового пути благодаря торговле с Китаем, а торговцы из Коканда — это «торговцы Западного края» (*сэйики сё:нин*). Ясуси Иноуэ посетил Фергану в 1968 г. и обратил внимание на историческое своеобразие города и современное экономическое значение в качестве города-производителя хлопка³⁰.

Таким образом, путешествие Ясуси Иноуэ в советскую Центральную Азию позволило писателю сконструировать картину региона-музея, где историческое наследие и природное своеобразие представляют собой базовые характеристики. Современному состоянию он уделяет незначительное внимание, стремясь показать «сущность Западного края» именно в его историческом пути в качестве связующего звена между Востоком и Западом, котла народов и культур, со своеобразной нерусской культурой. Иноуэ упоминает первых японских путешественников в Туркестан — государственного деятеля эпохи Мэйдзи Токудзиро Ниси и ученого-буддолога Кодзуй Отани, привезшего в начале XX в. в Японию первую коллекцию предметов из Туркестана³¹. Писатель показывает, что он продолжает традицию предшественников по «открытию» японцами Туркестана.

Наиболее полно текст отвечает своей просветительской функции, знакомя широкую японскую читательскую аудиторию с малодоступными в 1960-е гг. регионами СССР, обладающими особым историко-культурным и хозяйственно-экономическим своеобразием, разительно отличающимся от русской культуры, широко известной в Японии благодаря русским классическим литературе и театру. Ясуси Иноуэ открывает перед японцами иные миры Евразии, однако он игнорирует социалистическую принадлежность Туркестана. Особенностью текста представляется отсутствие критики социалистической экономической системы, которая часто в текстах японских авторов изображалась неполноценной. Примером такого подхода может служить короткий очерк середины 1970-х гг. из мемуаров японского дипломата-русиста Минору Тамбы, служившего в 1965–1967 гг. в Москве, в 1973–1975 гг. — в Пекине; его критике подвергается общественно-экономический и политический строй СССР и КНР, который показывается ущербным в сравнении с капиталистическим строем в Японии и западном мире³². Ясуси Иноуэ обходит подобную критику, отдавая предпочтение описанию историко-культурных особенностей социалистической Евразии.

Путешествие Рётаро Сибы в СССР и МНР: «Монгольский путевой дневник»

Рётаро Сибя — автор исторических романов и интеллектуальной литературы, посвященной вопросам культуры и истории Японии и Азии. Настоящее имя — Тэйити Фукуда. В Японии Рётаро Сибу называют «национальным писателем»³³, поскольку его романы о Японии эпох Бакумацу (1853–1868) и Мэйдзи (1868–1912) формируют общественное представление о развитии страны в начале модернизации и пользуются неизменной популярностью в широких слоях японского общества; значительное место в его произведениях отве-

дено России и периоду Русско-японской войны (например, роман «Тучи над холмами», «Сака-но уэ-но кумо»). Историк Акира Накацукэ отметил, что популярность романов Рётаро Сибы пришла в 1960-е гг., в период высоких темпов экономического роста, ознаменовавшего экономический скачок Японии и ее модели модернизации; кроме того, в 1968 г. отмечалось столетие Реставрации Мэйдзи, после которой началась стремительная модернизация по западному образцу, ход которой раскрывался на страницах исторических романов писателя³⁴.

Интерес к Евразии Рётаро Сиба, подобно Ясуси Иноуэ, испытывал со студенческой скамьи — он учился в Осацком институте иностранных языков (изучал монгольский язык), затем служил в 1943–1945 гг. в Квантунской армии в Маньчжурии в районе Сыпина³⁵. Как и Ясуси Иноуэ, он связал свою жизнь с журналистикой, поступив в 1948 г. на службу в газету «Санкэй» в родном городе Осака. В 1950-е гг. им были опубликованы две повести, посвященные евразийской проблематике: «Персидский волшебник» («Пэрусиа-но гэндзю-цуси»), «Сюнну из Гоби» («Гоби-но кё:до»), опиравшиеся, как и в случае с Ясуси Иноуэ, на китайские классические исторические произведения и исследования специалистов. Псевдоним Сиба — это японское чтение фамилии китайского историка Сыма Цяня, создающее у читателя ассоциацию, что ему предлагаются исторические сочинения. Источником вдохновения евразийских сочинений Рётаро Сибы служили «Исторические записки» и в особенности «Повеествование о сюнну» Сыма Цяня.

Визит Рётаро Сибы в Монгольскую Народную Республику, куда он мечтал поехать еще в молодости, состоялся в августе 1973 г., спустя несколько месяцев после установления дипломатических отношений между Японией и МНР и через месяц после открытия японского дипломатического представительства в этой стране. Двухнедельная поездка была осуществлена по инициативе газеты «Асахи», материалы путешествия публиковались на ее страницах в 1973–1974 гг. Путешествие осуществлялось в рамках проекта путешествий «По большим дорогам» («Кайдо: о юку»), запущенного в начале 1970-х гг., в итоге каждого издавался путевой дневник, который, согласно сложившейся традиции, «отражает документальную сторону литературного процесса»³⁶. Подготовка к путешествию началась уже в апреле 1973 г., Монголия стала пятым местом назначения Рётаро Сибы в рамках проекта. Писатель летел следующим маршрутом: Ниигата — Хабаровск — Иркутск — Улан-Батор — Южная Гоби. В Советском Союзе он пробыл два дня, оставшиеся дни — в МНР.

Прибыв из Ниигаты в Хабаровск, японский писатель разместился в гостинице «Восток», посетил местный краевой музей. Он обратил внимание на бытовые неудобства в гостинице и, смотря на некачественно покрашенный потолок и стены, сделал вывод, что строительными работами здесь занимались японские военнопленные³⁷. Уже в Хабаровске писатель, путешествовавший с супругой, столкнулся с проблемой обслуживания и сделал заключение, что в Советском Союзе гуманизм, или отношение к человеку, для советского политического истеблишмента не представляется важной темой³⁸. В гостинице состоялась случайная встреча между писателем и другим японским путешествен-

ником, который оказался бывшим японским военнопленным. Он сопровождал японскую туристическую группу из пяти человек, некоторые из них приплыли в СССР на корабле. Тема, связанная с японскими военнопленными в Сибири и Монголии, неоднократно поднимается на страницах путевого дневника: звучит критика в адрес советской политики, отмечается незаконный характер использования труда японцев на стройках Сибири, что характерно для японского историко-политического дискурса.

Во время посещения Хабаровского краевого музея и прогулки по городу японский писатель внимательно разглядывал местность, лица прохожих, отмечая их этническую принадлежность к местным малым народам, а в музее его основное внимание привлекла история освоения Сибири: «Русские открыли проживавшие в Сибири азиатские народы»³⁹. Текст «Монгольского путевого дневника» нацелен на просвещение японских читателей, Рётаро Сиба подробно изложил вопросы, связанные с этнокультурным составом Сибири, этапами и целями освоения региона русскими казаками; движущей силой в историческом процессе налаживания контактов центра и периферии выступают отдельные люди и экономические интересы российских промышленников, привлеченных местными ресурсами и торговлей с Китаем.

Параллельно звучит тема, связанная с устойчивыми связями и культурным единством местных народов, которые вступали в активное взаимодействие друг с другом, включая айнов-островитян, о чем свидетельствуют общие мифы, искусство, переходившие «от острова к острову, через заливы, по рекам»; Амур стал артерией взаимодействия и взаимовлияния местных народов⁴⁰. Рётаро Сиба выстраивает концепцию международного порядка в Северной Евразии, где оседлые цивилизации-империи (русские, японцы, китайцы) вторгаются в жизнь местных народов с их сложившимся укладом и переформируют его, подчиняя собственной хозяйственной модели. Положение дел в посещенных местах в Сибири и Монголии, описанное в тексте Рётаро Сибы, выступает в роли аргументов его концепции цивилизаций.

После однодневного посещения Хабаровска писатель совершил авиаперелет в Иркутск, где получил визу для поездки в МНР, сделал однодневную остановку и пересадку для перелета в Улан-Батор. Рассказ об Иркутске предваряет критика в отношении Советского Союза, где, по мнению Рётаро Сибы, принято издеваться над туристами, поскольку они не смогли напрямую полететь в Монголию, а вынуждены были сделать пересадку в Иркутске⁴¹. Он пишет, что «СССР — страна чиновников» (использует термин из эпохи Мэйдзи «абсолютизм чиновников» — *ю:сисэнсэй*, сравнивая систему государственного управления СССР и мэйдзийской Японии)⁴². В описании Иркутска Рётаро Сиба указывает на географическое положение города, его историческое значение в качестве старейшего русского казачьего форпоста и современную административную роль политического и экономического центра Сибири, но главная, с его точки зрения, особенность — это этнический состав, а именно буряты, проживающие в районе Байкала⁴³. О значении Иркутска в освоении Сибири в XVIII в., во времена пребывания здесь японского капитана Кодаю Дайкокуя,

Рётаро Сиба отмечает: «Иркутск был самой крайней точкой на востоке, которую охватывала русская цивилизация»⁴⁴.

В Иркутске располагалось консульство Монголии, где писателю необходимо было оформить въездную визу. Рётаро Сиба писал, что оформлял поездку в СССР через туристическое агентство «Байкаруко-дэ масу-о цуру кай» («Общество любителей ловли лосося на Байкале»), где его предупреждали, что в социалистических странах возможны разные сложности. В случае писателя сложностью стало получение визы в МНР, поскольку из-за задержки самолета он боялся не успеть оформить документы для въезда в Монголию, соответственно вылет в Улан-Батор следующим утром мог быть отложен. Рётаро Сиба провел Иркутске всего вечер.

Вечернюю прогулку по Иркутску писатель провел со своим учителем монгольского языка из Осацкого института иностранных языков Гэньити Абэмацу (1903–1993)⁴⁵, который также направлялся в Монголию по научным делам⁴⁶. Автор дневника писал: «Мы гуляли по темным иркутским улицам. В городе мало фонарей. Даже теперь на улицах, где высятся невероятно темные здания, из-за вечернего дождя цвет домов и дороги походил на цвет мокрых шин. Пока я шел по разбитым дорогам, нога то и дело попадала в лужи, и ботинки у меня промокли насквозь»⁴⁷. Надо отметить, что одновременно с японским писателем в гостинице в Иркутске находилась группа японских туристов численностью около 50 человек⁴⁸, что говорит об относительной популярности и развитости этого направления двустороннего взаимодействия.

Писатель особенно выделяет встречу со студенткой-буряткой Варей из Владивостока, изучавшей японский язык и поэтому летом подрабатывавшей гидом для японских туристов, а в случае с писателем помогавшей разрешать административные вопросы: «Я узнал, что она училась на третьем курсе кафедры японоведения Дальневосточного университета, этим летом в качестве практики работала в “Интуристе”, в моей гостинице. К сожалению, нам ничего не оставалось, кроме как мириться с ее малопонятным для нас японским языком, а кроме того, у нее как у третьекурсницы совсем не было опыта справляться с таким недопониманием. Она была ростом около 170 сантиметров, с длинными ногами и руками, с полупрозрачной кожей, а желтое платье, что было на ней, было ей к лицу. У нее было миловидное круглое личико и очки. По разрезу глаз и тихому голосу она очень напоминала японских девушек»⁴⁹. Сиба со студенческих времен мечтал встретиться с бурятами, поэтому в беседе со студенткой из Владивостока он начал расспрашивать о бурятских словах и языке, о монгольском языке. Выяснилось, что она не владеет монгольским «из Халхи, монгольских плоскогорий», поскольку язык ее повседневного общения — русский⁵⁰.

Для Рётаро Сибы путешествие в социалистическую Евразию прежде всего означало контакты с людьми. История, по его мнению, носит глубоко гуманистический характер и представлена личностями разного масштаба (Варя, профессор Абэмацу, попутчики, монгольские дети, монголка Цэвэгмаа и др.). Культура социалистической Евразии в СССР и МНР сравнивается через культуру обслуживания: когда через водителя консульства писателю сообщили

в вечер прибытия в Иркутск, что виза для него готова, он сделал заключение, что в монгольских плоскогорных степях находится более ориентированное на человека социалистическое государство по сравнению с СССР; он связал гибкость чиновников консульства с особенностями кочевого общества, которое не заострено в бюрократических традициях⁵¹.

Поездка в советскую Сибирь заняла всего два дня, однако ей посвящено около одной трети текста путевых записок. Писатель эмоционально обосновывает разницу между двумя социалистическими Евразиями: социалистической Сибирью и степной социалистической Монголией, используя художественный прием перемещения из темного и мрачного Советского Союза в светлую и солнечную Монголию: «Похоже, АН-24 уже пересек государственную границу [между СССР и МНР]. Не будет сильным преувеличением сказать, что я почувствовал это по форме облаков. Облака над Сибирью — тяжелые и темно-серые, и земли под ними не видно; как только самолет начинает лететь над плоскогорьем, картина резко меняется — облака здесь белые, они сменяются белыми светящимися летними облаками. Облака постепенно рассеиваются»⁵². Прием буквального противопоставления мрачной советской Евразии и светлой евразийской степи в Монголии выступает в качестве важного инструмента политического высказывания Рётаро Сиба, использован как метод критики советской политической и экономической системы. В то же время текст создавался для прессы, где из соображений пропаганды социалистическая система СССР критиковалась в рамках биполярного противостояния, хотя газета «Асахи» придерживалась умеренных позиций в отношении Советского Союза.

В августе 1973 г., на третий день путешествия, Рётаро Сиба прибыл в Улан-Батор. Программа пребывания в Монголии была насыщенной: помимо посещения столицы японский писатель провел несколько дней в Южной Гоби, ночуя в юрте. Затем вернулся через Иркутск, Хабаровск в Японию. Он прибыл в столицу МНР вместе с Гэньити Абэмацу, они поселились в гостинице «Улан-Батор», где их встречала сотрудница Министерства торговли — Цэвэгмаа, сопровождавшая японского прозаика во время его визита.

В Улан-Баторе Рётаро Сиба имел встречу с одним из первых дипломатов, служивших в Монголии с начала открытия дипломатических отношений, Кисабуро Сакиямой, который учился монгольскому языку у Гэньити Абэмацу, затем поступил в МИД, но обучение в Монголии пройти было невозможно из-за отсутствия дипломатических отношений, и он продолжил изучать монгольский язык в ламаистском монастыре⁵³. Писатель отмечает, что до 1973 г. японские дипломаты-монголоеды не могли проходить стажировку в Монголии, поэтому языковая подготовка осуществлялась не в Улан-Баторском университете, а, например, в университетах США на отделениях алтайских языков⁵⁴. Поездка самого писателя в МНР демонстрирует перемены в двусторонних отношениях.

Рётаро Сиба во время своего визита в монгольскую столицу уделил основное внимание местам культурного и научного значения: Академии наук МНР, государственной опере, ламаистскому монастырю. В описании этих учреждений писатель пользуется языком исторического и просветительского нарратива, стремясь высветить сущность и взаимосвязанность истории «взлетов

и падения кочевых народов в засушливых регионах внутренней Азии» и современного положения Монголии в составе блока социалистических стран. Общаясь с читателем предметным языком образов, выраженных в конкретных личностях, объектах и событиях, Рётаро Сиба показывает, что символом социалистического настоящего Монголии является памятник И. В. Сталину в Улан-Баторе напротив Академии наук: «Символом экономической и военной помощи Монголии со стороны СССР является Сталин. Вместе с тем, как бронзовые памятники Сталину исчезают из городов стран коммунистического блока, здесь, в столице этой плоскогорной степной страны напротив Академии наук, он не исчез; возможно, это связано с искренней приверженностью Монголии коммунистическим идеалам, но когда глядишь на этот памятник, то возникает странное чувство от невероятной серьезности его лица»⁵⁵.

Автор подчеркивает, что хотя город выстроен согласно российской традиции по плану, но здания, улицы выглядят значительно светлее, чем в СССР, а гостиница «Улан-Батор», построенная на китайские средства и китайскими инженерами в 1950-е гг. на волне сотрудничества, олицетворяет неразрывную связь с Китаем. Сиба специально отмечает, что в гостинице прекрасно работает сантехника, лифты, персонал приветливый; и посуда, белье, мебель привезены из разных социалистических стран в рамках деятельности СЭВ, куда входит единственная азиатская социалистическая страна — Монголия. В данном случае Рётаро Сиба вновь критикует советскую Евразию, используя прием противопоставления гостиниц в Сибири и в МНР, показывая, что страны социализма разнятся между собой, а кроме того, подчеркивая уникальность МНР. Исключительность Монголии и монголов как исторического феномена состоит в невосприимчивости к основам китайской цивилизации, которые были переняты всеми сопредельными с Китаем странами — Кореей, Вьетнамом, Японией⁵⁶.

В основе идеи монгольской уникальности лежит цивилизационная концепция Рётаро Сибы, заключающаяся в противостоянии земледельческой и кочевой цивилизаций и соответствующих им двух моделей хозяйствования: «На протяжении многих тысячелетий кочевое государство монголов вступало в многочисленные контакты с китайскими государствами, которые проводили экспансию своего земледельческого государства к югу. Иногда они враждовали, иногда завоевывали Китай, иногда торговали, иногда повиновались Китаю, вскоре они оказывались малым народом в слабом государстве. Историю Азии можно в целом охарактеризовать как борьбу между государствами кочевников и оседлыми земледельческими государствами. Однако последние пять десятков лет государством-патроном Монгольской Народной Республики является не Китай. Это Советский Союз»⁵⁷. Таким образом, история вечного взаимодействия и борьбы двух типов культуры и экономики продолжалась и в современной Рётаро Сибе социалистической Евразии.

Основной фигурой, через которую раскрывается образ социалистической Монголии, выступает монголка Цэвэгмаа, сотрудница Министерства торговли, встречавшая и организовавшая программу пребывания Рётаро Сибы в МНР, в том числе его путешествие в Южную Гоби⁵⁸. Личность этой женщины станет

олицетворением истории монгольского народа в XX в., а личные отношения между писателем и переводчицей — символом дружбы двух народов, который сегодня используется в качестве потенциала развития двусторонних взаимовыгодных отношений, основанных на дружбе и доверии. Цэвэгмаа — монголка, родившаяся в Бурятии до революции 1917 г.; в 1920-е гг. ее семья эмигрировала в северо-восточный Китай (Маньчжурия), где Цэвэгмаа выросла, получила образование, выучила японский язык в годы существования Маньчжоу-го, а затем в конце 1950-х гг. она со своей дочерью бежала в МНР в связи с революционными событиями в Китае. В МНР она устроилась на работу, стала переводчицей и гидом для японских и советских гостей, воспитывала дочь, которая получала высшее образование в Ленинграде. Личная судьба Цэвэгмаа и ее отношение к жизни, спокойное и неторопливое, со влюбленностью в степь, используется Рётаро Сибой в качестве олицетворения поворотов в истории монгольского народа в XX в. и незыблемости основ мировоззрения кочевников.

Поездки Ясуси Иноуэ и Рётаро Сибы в социалистическую Евразию в 1960–1970-е гг. показывают интенсивность взаимодействия между Японией и СССР на культурном и общественном уровнях. Туристические поездки не только деятелей культуры, но и туристических групп постепенно входили в практику двусторонних контактов. Тексты, созданные по результатам путешествий, основанные не на изучении литературы, а на личном опыте, раскрывали перед широкой японской аудиторией культурное разнообразие Советского Союза, неоднородность и непохожесть стран социалистического лагеря в Евразии. В текстах японских писателей ярко выражена идея культурного своеобразия социалистической Евразии, ее историко-культурного развития в связи с интеграционными тенденциями в регионе Великого шелкового пути. Ясуси Иноуэ видит ее центральную особенность в осуществлении связи между Востоком и Западом, а Рётаро Сиба — в сохранении особого кочевого общественного уклада. Ясуси Иноуэ показывает советскую Центральную Азию в качестве региона-музея и избегает критики в отношении ее современного социалистического строя; Рётаро Сиба стремится убедить читателя, что советская Сибирь представляет собой отсталую в культурном и финансовом отношении периферию, тем самым он подвергает порицанию действовавшую политико-экономическую модель.

Таким образом, можно говорить о формировании широкой перспективы историко-культурного и цивилизационного разнообразия социалистической Евразии в текстах японских прозаиков, однако они не проявляют единства относительно негативной оценки социалистического настоящего региона. Идеи обоих писателей формируют неоднородный взгляд на страны Великого шелкового пути в настоящее время: в 2005 г. автор бизнес-романов Рё Куроки издал произведение «Взлетная полоса на Великом шелковом пути»⁵⁹, где цитирует рассмотренные сочинения Ясуси Иноуэ и Рётаро Сибы, заимствует их идеи культурного разнообразия и идею связанности стран Великого шелкового пути, что свидетельствует о сохранении и закреплении в общественном сознании основ образа социалистической Евразии, сформулированного Иноуэ и Сибой.

¹ *Георгиев Ю. В.* Советско-японские культурные связи // СССР — Япония. К 50-летию установления советско-японских дипломатических отношений (1925–1975). М., 1978. С. 171–187; *Корнеев С. Г.* Сотрудничество Академии наук СССР с японскими научными организациями // Там же. С. 188–207; *Кутаков Л. Н.* Москва — Токио: очерки дипломатических отношений, 1956–1986. М., 1988; *Тихвинский С. Л.* Избранные произведения: в 5 кн. Кн. 4: Отечественная и всемирная история: Великая Отечественная война, внешняя политика и международные отношения. М., 2006.

² История Китая с древнейших времен до начала XXI века. Т. 8: Китайская Народная Республика (1949–1976) / отв. ред. Ю. М. Галенович. М., 2017. С. 550.

³ Diplomatic Bluebook for 1971. Section 2. Promotion of Relations with Other Nations // MOFA Japan. URL: <https://www.mofa.go.jp/policy/other/bluebook/1971/1971-2-2.htm> (дата обращения: 12.02.2021).

⁴ *Итиока Масао.* Региональная дипломатия в Японии: Международный опыт Нингаты — от дружественных связей к оказанию помощи / пер. с яп. А. Ф. Прасола. Владивосток, 2004; *Казаков И. В.* Советско-японские экономические отношения // Проблемы Дальнего Востока. 1976. № 1. С. 95–108.

⁵ Японские писатели о стране Советов / сост. Г. Г. Свиридов. Л., 1987.

⁶ *Кутаков Л. Н.* Москва — Токио... С. 97.

⁷ Там же. С. 98.

⁸ Diplomatic Bluebook for 1973. Section 1. Prime Minister Tanaka's Visits to Various Countries // MOFA Japan. URL: <https://www.mofa.go.jp/policy/other/bluebook/1973/1973-3-1.htmSection%201.%20Prime%20Minister%20Tanaka's%20Visits%20to%20Various%20Countries> (дата обращения: 12.02.2021).

⁹ *Ли Чжэцяоань.* Сёхё: Фудзисава Акира тё: «Иноуэ Ясуси-но сёсэцу сэкай — суро:ри:тэра: — но гэнфу:кэй» (Бэнсэй сюппан, 2014) [Рецензия на книгу Акиры Фудзисавы: «Мир произведений Ясуси Иноуэ — сцены детских воспоминаний рассказчика»] // Хикакубунгаку. 2014. № 57. С. 158–163. (На яп. яз.)

¹⁰ В XX–XXI вв. в Японии употребляются несколько названий для Евразии: классическое «Западный край» (*сэйики, сайики*), «Великий шелковый путь» (яп. *сирукуро:до* или кит. *Сычуоучжилу*), существование из западноевропейской традиции «Евразия» (*ю:расиа*), кроме того, в научных исследованиях применяется нейтральный термин «Внутренняя Азия» (*найрику адзия*).

¹¹ *Иноуэ Ясуси.* Тэндзан-но фумото-но кунь. [Государства у подножия Тянь-Шаня] // Сирукуро:до Ро:ма-э-но мити. Дайсо:гэн-о юку. Собиэто / Иноуэ Ясуси, Хигути Такаясу, НКК сюдзайхан. Ч. 1. Токио, 1983. С. 8–9.

¹² *Иноуэ Ясуси.* Сэйики моногатари. [Повесть о Западном крае.] Токио, 1969. С. 3. (На яп. яз.)

¹³ *Сыма Цянь.* Исторические записки. Т. 8. М., 2002; *Сюань-цзан.* Записки о западных странах [эпохи] Великой Тан (Да Тан си юй цзи). М., 2012.

¹⁴ *Иноуэ Ясуси.* Сэйики моногатари. С. 7.

¹⁵ *Гу Вэйлян.* Эйэн то Тэйтон-но сидзин: Иноуэ Ясуси — сэйсюн, тайко-ни хибикау «Икоку-но хоси»-о мэгуттэ. [Поэт вечности и неподвижности: Ясуси Иноуэ о единстве отчуждения и древних времен в романе «Звезда в чужой стране»] // Кокусай нихон бунгаку сэнкю:сю:кайкай-гироку. 2008. № 31. С. 122; Сирукуро:до Ро:ма-э-но мити. Дайсо:гэн-о юку. Собиэто / Иноуэ Ясуси, Хигути Такаясу, НКК сюдзайхан. Ч. 1. Токио, 1983. С. 22. (На яп. яз.)

¹⁶ *Иноуэ Ясуси.* Ватаси-но сэйики кико: [Мои путевые записки по Западному краю.] Т. 1. Токио, 1983. (На яп. яз.)

¹⁷ *Иноуэ Ясуси.* Сэйики моногатари. С. 235.

¹⁸ Сирукуро:до корэкусэн Дзусё итиран. [Собрание изданий по Шелковому пути.] Библиотечные ресурсы университета Тояма. URL: <https://www.library.toyama.toyama.jp/wp/wp-content/uploads/2013/01/silkroad.pdf> (дата обращения: 12.02.2021).

¹⁹ *Иноуэ Ясуси.* Сэйики моногатари. С. 240.

²⁰ Туркестан стал местом диалога и распространения разных религиозных верований и монотеистических религий, Ясуси Иноуэ отметил принципиальную важность распростране-

ния ислама; для буддизма пустынные храмы в Дуньхуане стали одним из важнейших символов расширения влияния буддизма в так называемом западном крае. В Японии дуньхуановедение пользуется неизменной популярностью в среде ученых-буддологов и исследователей культуры Внутренней Азии.

²¹ *Иноуэ Ясуси*. Сэйики моногатари. С. 196.

²² *Молодяков В. Э.* Непрошедшее прошлое. Очерки политической и интеллектуальной истории Японии XIX–XX веков. СПб., 2019. С. 9.

²³ *Иноуэ Ясуси*. Сэйики моногатари. С. 83.

²⁴ Там же. С. 12.

²⁵ Там же. С. 93.

²⁶ Там же. С. 194.

²⁷ Там же. С. 197.

²⁸ Там же. С. 204.

²⁹ Там же. С. 213.

³⁰ Там же. С. 225–229.

³¹ См.: *Комиссаров С. А., Семенова М. В.* «Коллекция Отани»: наследие японских экспедиций в восточный Туркестан (Синьцзян) // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология. 2011. Т. 10 (4). С. 19–26.

³² *Тамба Минору*. Нитиро гайко: хива. Токио, 2012. С. 101–129. (На яп. яз.)

³³ *Нарита Рюити*. Сэнго сисо:ка-госитэ-но Сиба Рётаро: Токио, 2009. С. 7. (На яп. яз.)

³⁴ *Накацука Акира*. Сиба рётаро:-но рэкисикан. [Взгляд Рётаро Сибы на историю.] Токио, 2009. С. 16–17. (На яп. яз.)

³⁵ Будущий писатель изучал и русский язык 2 часа в неделю, однако ко времени поездки абсолютно не мог им пользоваться (*Сиба Рётаро*. Монгору кико:. [Монгольский путевой дневник.] Токио, 2017. С. 65). (На яп. яз.)

³⁶ *Мещеряков А. Н.* Страна Япония: люди и тексты. СПб., 2018. С. 25.

³⁷ *Сиба Рётаро*. Монгору кико:. С. 23, 48.

³⁸ Там же. С. 24.

³⁹ Там же. С. 38.

⁴⁰ Там же. С. 50.

⁴¹ Там же. С. 59.

⁴² Там же. С. 60.

⁴³ Там же. С. 67.

⁴⁴ Там же. С. 72.

⁴⁵ В 1978 г. в издательстве «Миния-сётэн» вышел том собранных им старинных монгольских легенд и сказаний.

⁴⁶ *Сиба Рётаро*. Монгору кико:. С. 82.

⁴⁷ Там же. С. 84.

⁴⁸ Там же. С. 92.

⁴⁹ Там же. С. 94.

⁵⁰ Там же. С. 98.

⁵¹ Там же. С. 100.

⁵² Там же. С. 126.

⁵³ Там же. С. 158–159.

⁵⁴ Там же. С. 163.

⁵⁵ Там же. С. 136.

⁵⁶ Там же. С. 107.

⁵⁷ Там же. С. 111.

⁵⁸ Сегодня ее кемпинг используется в качестве объекта экологического туризма и выступает прямым олицетворением японо-монгольской дружбы. См.: Tsevegmaa Tourist Camp. URL: <https://www.facebook.com/tsevegmaacamp/posts/2270923673004543> (дата обращения: 12.02.2021).

⁵⁹ Куроки Рё. Сирукуро:до-но кассо:ро. [Взлетная полоса на Великом шелковом пути.] Токио, 2009. (На яп. яз.)

Статья поступила в редакцию 26 февраля 2021 г.
Рекомендована к печати 6 сентября 2021 г.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Малашевская М. Н. Культурный диалог Японии — социалистическая Евразия в 1960–1970-е гг.: визиты писателей Ясуси Иноуэ и Рётаро Сибы в СССР и Монголию // Новейшая история России. 2021. Т. 11, № 4. С. 1063–1079. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2021.414>
УДК 94+910+327

Аннотация. Представленная статья затрагивает один из узких аспектов культурного диалога между Японией и социалистической Евразией (центральноазиатские и сибирские регионы СССР и МНР) в период «холодной войны» в 1960–1970-е гг. Данное направление взаимодействия Японии и социалистической Евразии рассмотрено на основе очерков японских писателей Ясуси Иноуэ и Рётаро Сибы, посетивших советскую Центральную Азию и Дальний Восток и социалистическую Монголию в 1965–1973 гг. Задачи представленной статьи состоят в изучении культурных связей капиталистической Японии и социалистической Евразии на примере поездок японских писателей и в уточнении образа социалистической Евразии в глазах широкой японской читательской аудитории. Источниками для анализа послужили тексты: «Повесть о Западном крае» Ясуси Иноуэ («Сэйки моногатари», 1968) и «Монгольский путевой дневник» Рётаро Сибы («Монгору кико:», 1974). В данных текстах говорится о двух поездках Ясуси Иноуэ в советскую Центральную Азию в 1965 и 1968 гг. и о поездке Рётаро Сибы в Монгольскую Народную Республику через советский Дальний Восток (Хабаровск и Иркутск) в 1973 г. Указанные сочинения выступают в качестве площадки для диалога их авторов с широкой читательской аудиторией в Японии и формируют общественное представление о нецентральных регионах Советского Союза. Популярность транслируемого образа социалистической Евразии подтверждается тем, что путевой дневник Рётаро Сибы неоднократно переиздавался разными японскими издательствами, хотя впервые был опубликован на страницах газеты «Асахи» в 1973–1974 гг., повесть Ясуси Иноуэ также переиздавалась большими тиражами и послужила источником вдохновения для современного писателя Рё Куроки, посвятившего свой роман «Взлетная полоса на Великом шелковом пути» японо-киргизским отношениям в начале 2000-х гг.

Ключевые слова: СССР, Япония, Монголия, отношения, Евразия, культурный диалог.

Сведения об авторе: Малашевская М. Н. — канд. ист. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия); m.malashhevskaya@spbu.ru

Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

FOR CITATION

Malashevskaya M. N. 'Cultural Dialogue Between Japan and Socialist Eurasia in 1960s–1970s: Visits of Novelists Yasushi Inoue and Ryotaro Shiba to the USSR and Mongolia', *Modern History of Russia*, vol. 11, no. 4, 2021, pp. 1063–1079. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2021.414> (In Russian)

Abstract: This article explores a narrow aspect of cultural dialogue between Japan and socialist Eurasia (the Central Asian and Siberian regions of the USSR and Mongolian People's Republic) during Cold War in the 1960s and 1970s, using essays by Japanese writers Yasushi Inoue and Ryotaro Shiba, who visited Soviet Central Asia and the Far East and socialist Mongolia in 1965–1973; trips by Japanese writers; and the image of socialist Eurasia

in Japanese public opinion. The sources for the analysis are *The Tale of the Western Region* by Yasushi Inoue (*Seiiki Monogatari*, 1968, trans. in English in 1971 as *Journey beyond Samarkand and Mongolian Travel Notes* by Ryotaro Shiba (*Mongoru kiko*: , 1974). Yasushi Inoue made two trips to Soviet Central Asia in 1965 and 1968, and Ryotaro Shiba went to Mongolian People's Republic through the Soviet Far East (Khabarovsk and Irkutsk) in 1973. Researched texts serve as a platform for the author's dialogue with a wide readership in Japan that helped shape the public image of the Soviet Union in non-central regions. The popularity of Inoue's and Shiba's image of socialist Eurasia is confirmed by the fact that Shiba's travel notes were reprinted for several times by different publishers in Japan, although it was first published in the newspaper *Asahi Shimbun* in 1973–1974; a novel by Yasushi Inoue also was reprinted in several editions and served as inspiration for the modern writer Ryo Kuroki, who dedicated his novel *Runway on the Great Silk Road* about Japanese-Kyrgyz relations in the early 2000s.

Keywords: USSR, Japan, Mongolia, Eurasia, relations, cultural dialogue.

Author: *Malashevskaya M. N.* — PhD in History, Associate Professor, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia); m.malashevskaya@spbu.ru

St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russia

References:

- Georgiev Y. V. 'Soviet-Japanese cultural ties' in *SSSR — Yaponiya. K 50-letiyu ustanovleniya sovetsko-yaponskix diplomaticheskix otnoshenij (1925–1975)* (Moscow, 1978). (In Russian)
- Ichioka Masao. *Regional Diplomacy in Japan: Niigata's international experience-from friendly relations to assistance*, trans. by A. Prasol. (Vladivostok, 2004). (Rus. ed.)
- Inoue Yasushi. *My journey to Western Regions*, vol. 1 (Tokyo, 1983). (In Japanese)
- Inoue Yasushi. 'The country at the foot of the Tian Shan Mountains', *Shirukuro:do Ro:ma-he-no michi. Daiso:gen-o yuku. Sobiето (Part 1)*, by Inoue Yasushi and Higuchi Takayasu (Tokyo, 1983) (In Japanese)
- Inoue Yasushi. *The Tale of the Western Region* (Tokyo, 1969). (In Japanese)
- Gu Weiliang. Poet of Perpetuity and Stagnation: Inoue Yasushi — On the Resonance of Youth and Antiquity in *Ikoku no Hoshi, Kokusai nihonbungaku senkyuushuukai giroku*, no. 31, 2008. (In Japanese)
- Japanese writers about the Soviet Union*, comp. G. G. Sviridov (Leningrad, 1987). (In Russian)
- Kazakov I. V. 'Soviet-Japanese economic relations', *Problemy Dalnego Vostoka*, no. 1, 1976. (In Russian)
- Komissarov S. A., Semenova M. V. 'The Otani Collection: Heritage of Japanese expeditions of Eastern Turkestan', *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Istoriya, filologiya*, vol. 10, no. 4, 2011. (In Russian)
- Korneev S. G. 'Cooperation of the USSR Academy of Sciences with Japanese research organizations' in *SSSR — Yaponiya. K 50-letiyu ustanovleniya sovetsko-yaponskix diplomaticheskix otnoshenij (1925–1975)* (Moscow, 1978). (In Russian)
- Kuroki Ryo. *A Runway on the Great Silk Road* (Tokyo, 2009). (In Japanese)
- Kutakov L. N. *Moscow-Tokyo: Essays on Diplomatic Relations, 1956–1986* (Moscow, 1988). (In Russian)
- Li Zhecuan. 'Book Review: "The world of Inoue Yasushi novels — remembering the scenes of his storytelling" by Fujisawa Akira (Bensei shuppan, 2014)', *Hikakubungaku*, no. 57, 2014. (In Japanese)
- Mesheryakov A. N. *Japan: People and their writings* (St. Petersburg, 2018) (In Russian)
- Molodyakov V. E. *The unsolved past. Essays on the Political and Intellectual History of Japan in the 19th–20th centuries* (St. Petersburg, 2019). (In Russian)
- Nakatsuka Akira. *The historical viewpoint of Shiba Ryotaro* (Tokyo, 2009). (In Japanese)
- Narita Ryuichi. *Shiba Ryotaro as a postwar thinker* (Tokyo, 2009) (In Japanese)
- Sima Qian. *Records of the Grand Historian*, vol. VIII (Moscow, 2002). (In Russian)
- Shiba Ryotaro. *Mongolian notes* (Tokyo, 2017). (In Japanese)
- Tamba Minoru. *The secret talks between Japan and Russia* (Tokyo, 2012) (In Japanese)
- Tikhvinskiy S. L. *Selected works. Vol. 4. Domestic and World history: The Great Patriotic War, foreign policy and international Relations* (Moscow, 2006). (In Russian)
- The history of China from ancient times to the beginning of the XXI century*, vol. VIII: *The People's Republic of China (1949–1976)*, ed. by Yu. M. Galenovich (Moscow, 2017). (In Russian)
- Xuanzang. *Great Tang Records on the Western Regions* (Moscow, 2012). (In Russian)

Received: February 26, 2021

Accepted: September 6, 2021